
АДРЕСАТЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ И.А. ИЛЬИНА

М.Р. Тарасова

Кафедра русской и зарубежной литературы
Сахалинский государственный университет
Ул. Ленина, 290, Южно-Сахалинск, Россия, 693000

В статье рассматривается типология адресатов литературной критики И.А. Ильина и формы реализации основных связей в коммуникации «литературный критик — его посредники и оппоненты».

Критик, по И.А. Ильину, прежде всего — читатель, художественно-аналитический читатель, ищущий встречи с автором «на глубине прорекающей тайны». Читать, по его мнению, значит «верно и чутко воспринимать ткань слов (эстетическую материю), легко и покорно усваивать творческое видение художника (его эстетический акт), точно и лепко воспринимать описываемые им картины внешнего и внутреннего мира (эстетические образы) и с духовной зоркостью проникать до того главного помысла, из которого рождено все произведение (до эстетического предмета)» [2. С. 191]. Ильин утверждал даже, что по чтению можно узнать человека, ибо каждый из нас есть то, *что* он читает; и каждый есть то, *как* он читает [1. С. 92].

Искусству чтения Ильин посвятил многие вдохновенные страницы. Он пишет об этом во вступлении к книге «Я вглядываюсь в жизнь» (1938), во введении к главному своему труду по литературной критике — книге «О тьме и просветлении» (1939; 1959), в предисловии к книге «Поющее сердце» (1943), в других сочинениях, пытаясь внушить, подчеркнуть главное: *чтение есть художественное творчество*, а читатель есть *соучастник творческого процесса, со-художник* [2. С. 187].

Основной адресат И.А. Ильина — критика / читателя — собственно читатель, единомышленник или оппонент, который, по классификации А.М. Штейнгольд, может быть «молчаливым собеседником» (наиболее часто встречающийся у Ильина вариант), носителем определенной точки зрения и «персонажем» (очерковый образ с известной долей беллетризации).

«Молчаливый собеседник» — это читатель, на чье незримое присутствие рассчитана вся система логических и эмоциональных доводов автора, но о факте существования которого свидетельствуют только обращения к нему критика [6. С. 71]. Читатель, образ мыслей которого становится составной частью диалога с критиком (носитель определенной точки зрения) реализуется в тексте введением цитат, пересказом его взглядов, выражением экспрессивной позиции критика по отношению к своему собеседнику [6. С. 71]. В одном из писем к П.Б. Струве (28 октября 1925 года) И.А. Ильин так описывает своего адресата-идеолога (не литературного, правда, «профиля»): «...превосходный человек, имеет верные и вовсе не отвратные предпосылки, но предлагает (по глупости?) аграрную рес-

таврацию» [4. С. 147]. Очерковый читатель («персонаж») помимо определенного мировоззрения имеет соответствующие характеристические черты (социально-бытовые, культурно-этнографические, сословные, возрастные и т.д.).

И.А. Ильин предпочитает читателя — «молчаливого собеседника», который, в свою очередь, может быть единомышленником и оппонентом, «своим» и «чужим». «Своего» читателя Ильин описывает как человека с открытой душой, живым сердцем, способного созерцать, любить и негодовать. Это читатель «с послушным и гибким актом, доверчиво отдающий художнику все свои внутренние силы...» [3. С. 140—141]. Его противоположностью в критике Ильина выступает человек с «деревянной» или «окостеневшей» душой, самодовольный и бессердечный педант, человек «об одной колее», неспособный отзываться на зовы глубокого и богатого духа, «партийный недоумок», ищущий повсюду своих схем и польз [3. С. 140]. К читателю — «молчаливому собеседнику» (в обеих его разновидностях), как правило, и обращается — часто напрямую — Ильин. Он может, например, посоветовать читателю-оппоненту «совсем не читать Шмелева» (Гофмана, Достоевского, Лескова...) и воздержаться от суждений об их творчестве за недостаточностью внутренних ресурсов для их восприятия; он может разделить эмоции с читателем-единомышленником: «отдаваясь этому языку и стилю, вы чувствуете, что он захватывает вас»; он может призвать читателя (любого, взявшегося за прозу Л. Н. Толстого): «Вчитайтесь, и вы найдете *борьбу с непоющим языком*, который не покоряется писателю и дает немало перегруженности и переосложненности в стиле...» Он может просто по-человечески сказать: «И вот я усердно прошу серьезных и ответственных читателей моей книги...» [5. С. 13]. Или патетически обратиться к публике: «А ты, внемлющий зритель, слушатель, читатель! Ищи в каждом произведении искусства тот главный художественный помысл, который художник творчески встрадал в свое создание; ищи его напряженно, сосредоточенно, в уверенности, что этот предмет есть *живое солнце* произведения и что художник *не мог* обойтись без него, *не смел* творить помимо него. Он *должен был* впитать его в себя из Богом созданного мира; он должен был стать слушателем и зрителем Божиих тайн; он имеет сказать тебе нечто из этих сокровенных помыслов, сокрытых в мире. Требуй этого от каждого произведения искусства и успокаивайся только тогда, когда твое требование будет удовлетворено» [2. С. 181—182].

Иногда читатель реализуется у Ильина через палитру мнений по принципу «один..., второй..., третий»: «И один читатель потрясается и приковывается, внешняя мерзость мира пробила наконец его носорожью впечатлительность; а другой читатель морщится от отвращения — „зачем это нужно, когда это в художественном отношении не необходимо?“» [3. С. 187]. Иногда собирательный читатель представлен у Ильина хором голосов («голосом толпы»): «Как? Исключить из искусства отклик сердца и души?! Заглушить в себе трепет приемлющего или отвращающего чувства? Подавить в себе радостное, облегчающее „да“, или возмущенный протест, или, наконец, просто суждение личного, свободного вкуса? Что же, люди должны стать бесчувственными истуканами перед лицом ис-

кусства? Или холодными резонерами о „достоинствах“ и „недостатках“ произведения? Ведь это значит — убить живую душу, влекущуюся к искусству... Что же от него останется, если это дыхание смерти победит в людях?!» [3. С. 334]. Однако в любом случае И.А. Ильин, солидаризуясь с читателем-единомышленником, обобщая свою индивидуальную позицию до точки зрения определенного круга людей, ждущих от искусства чего-то большего, чем шоу-продукция, безусловно, солирует, играет роль «первой скрипки» в литературно-критическом диалоговом «ансамбле».

Другим адресатом Ильина-критика в системе субъектных отношений является писатель, художник вообще, обращаясь к которому И.А. Ильин призывает: «Художник! Ты хотел бы, чтобы твой зритель или слушатель проник в твоё произведение до самого дна и воспринял бы через это скрытое тобою в нём богатство? Проникни для этого сначала сам в сокровенные веяния Божии, одушевляющие и движущие мир. Помни, что ты сам Божий зритель, слушатель и ученик. Вынашивай узренное до полной зрелости и обнаруживай его в верных образах и точной материи. Тогда ты создашь художественное, которое будет завоевывать сердца „с силою и властью мноюю“» [2. С. 181].

Диалог с писателем ведется, как правило, посредством цитирования, реже — с помощью пересказа художественного текста. Прямое обращение к конкретному писателю имеет место разве что в эпистолярной критике И. А. Ильина (например, в его переписке с И.С. Шмелевым). Однако есть случаи, когда «некий художник» обретает вдруг голос и вступает в диалог, наделенный собственной прямой речью: «И прав был бы тот художник, который сказал бы своему критику: „Не смей воспринимать меня формально, ибо ты убиваешь этим мое создание. Перестань гоняться за пустыми призраками моего искусства, ибо не для того я жил, страдал и творил, чтобы ты прошел мимо моего главного и внял моему пению *духовно глухим ухом*...“» [3. С. 325]. Или: «В стороне от современных им поколений, от быстро возникающих и уносящихся „запросов“, „направлений“ и „течений“, они (одинокое художники. — М. Т.) созерцают и созидают *свое*, одинокое, вызывающее как будто бы даже не к людям („Примите! Вникните! Исцелитесь и умудритесь!“), а к Богу („Прими одинокую молитву мою!“)» [3. С. 352].

Говоря о том или ином писателе, И.А. Ильин обычно подключает к разговору огромное множество «помощников» — других писателей, музыкантов, художников, всевозможных экспертов (историков, психологов, философов), создавая насыщенный диалогический фон. Сошлемся в качестве примера на статью «Когда же возродится великая русская поэзия?» (1954), вторая часть которой (всего 6,5 страницы) содержит 39 имен поэтов, или на статью «Художество Шмелева» (1956), в которой творчество писателя вписывается в контекст из 31 имени, или на лекцию «Россия в русской поэзии» (1935), впервые опубликованную Н.П. Полторацким в сборнике «Русские писатели, литература и художество» (1972). В первой части данной лекции И.А. Ильин называет 26 имен, из них 19 — имена поэтов, причем некоторых поэтов Ильин цитирует неоднократно, демонстрируя прекрасное знание их творчества. Всего в лекции использовано 67 имен, 53 из них — не повторяются.

И.А. Ильин, как правило, мобилизует *всю* свою эрудицию, *весь* многообразный потенциал своей личности для максимально успешного выполнения поставленной задачи, что обуславливает универсальную целостность, масштабность его подходов, глубину разработки любой, даже, казалось бы, обреченной на «обзорность» и «перечислительность» темы.

Подобная фундаментальность подходов, широкий «захват» материала, универсальная эрудиция вообще характерны для русской литературной критики. Вспомним хотя бы Н.И. Надеждина. В его «Литературных опасениях за будущий год» («Вестник Европы», 1828) — обзорной статье объемом 19,5 страницы, мы насчитали порядка 50 имен. Среди них — живописцы, скульпторы, поэты, писатели, полководцы, религиозные деятели, философы, физики, математики, теоретики литературы... И это лишь один из примеров. Широчайшая эрудиция И.А. Ильина во многих областях знания (история, философия, психология, филология, религиоведение, искусство), языковая независимость (в активе Ильина были церковно-славянский, латинский, греческий, немецкий, французский, отчасти английский, итальянский языки) позволили ему, в свою очередь, вести самый свободный диалог в пространстве русской и мировой культуры.

Среди адресатов Ильина-критика есть и пародийные персонажи, например, созданный им образ писателя-модерниста Питирима Ивановича Равки. Впервые это имя появляется в письме И. А. Ильина И. С. Шмелеву, датированном 11 августа 1932 года:

«...Теперь к делу.

Посылаю Вам письмо, написанное мною Вам *два года тому назад*, но не отсланное: *dans le doute, abstinent toi**, что я и сделал.

Посылаю Вам его на следующих условиях. В нем две стороны:

1. Проблема „нового поэтического канона“, которым надо вычистить пошлость из современной русской поэзии. Эту идею мы можем с вами вдвоем развивать сколько угодно. Даже можно основать „Академию поэтической вседозволенности“ и всех пробрать и доконать.

2. Эта идея облечена в *условную одежду* „Питирима Ивановича Равки“, якобы изобретшего сей канон. Эту условную одежду я даю *только как материал*, над которым *Вы властны сделать все, что захотите*. Назвать Питирима иначе; исправить его биографию и манеры; создать *совсем другой образ, какой Вам заблагорассудится*. Я заранее *на все* согласен. Только, чтобы можно было свободно развивать его „поэтический канон“. Вы можете одни черты, мною набросанные, оставить; другие забраковать. Или же *все* переделать в его очертании. Как хотите. Я потому Вам не посылал это письмо, что совестно было предлагать *Вам* готовую фигуру. А теперь меня вдруг осенило: дать Вам над художественным образом *полную власть* (...»

К процитированному письму прилагалось другое, датированное августом 1930 года, в котором И.А. Ильин подробно описывает своего «сравнительно недавнего приятеля» Питирима Ивановича Равку, «неокончившего семинариста» 37 лет, внешне похожего то ли на Чернышевского, то ли на Добролюбова в моло-

* В сомнении — воздержись (фр.).

дости. Ильин характеризует его как человека с «проблесками несомненного таланта», прекрасно знавшего поэзию многих народов, в своем собственном творчестве подчас впадавшего в странную подражательность (тогда он подписывал свои стихи «Александр Брок, Пучеслав Рыдванов, Святополк Окаянный и даже Анна Лохматова»)..

И.А. Ильин доводит до сведения И.С. Шмелева основы поэтического канона Питирима Равки, пародируя некоторые крайности современной ему поэзии. Так, пункт первый указанного канона гласит: «Позвóлительнó все, что выразительнó и заразительнó; все прочее предосудительнó». Пункт второй: «Новое лучше старого; неслыханное лучше слыханного; поэтических ересей нет; выражайся и заражай». Пункт третий: «Ни за какими ядрами, зернами, замыслами, смыслами, сюжетами, и прочими óткрóвениями не гнаться; они сами всегда тут как тут — *даже надбóели*». И, наконец, четвертый: «Грамматика, стилистика, орфография и фонетика — суть условное достояние отживших предков; вдохновению пути необузданны». Из этих основ Питирим Иванович Равка «дидуцирует» ряд новых поэтических законов и форм, среди них, например, закон «рифмующего неологизма» («Эта злая ведьма, / У окошка *седьма*, / Вечно штучки *штучит* / И глазами пучит»), или закон «эмоционального завоя» («Что за лодырь беспредельный / Этот вялый рукосуй! / О, растяпый! О, скудельный! / А - э - и - о - уй!!!.....»)) и другие (общим числом как минимум 117).

Письмо И.А. Ильина — законченный фельетон с разработанным вполне характером главного героя. Владелец редкого, с претензией на религиозно-философские ассоциации (Питирим Сорокин) имени и самого что ни на есть распространенного отчества, он представляет собой странный гибрид «Александра Брока»-Горького и Добролюбова-Чернышевского, странную помесь модерниста-народника с революционными демократами и просто революционерами (недаром в его фамилии столько рычания: Равка — р-р-рав, р-р-рвав, р-р-р...; «пустолай»). Питирим Иванович имеет возраст (37 лет в 1930, значит, ровесник И.А. Ильина, рожден в 1883 году), определенную внешность, привычки, поэтическую — и просто — биографию... Мы знаем, как он говорит, как и что пишет, мы знаем, что он «не без таланта» и обладает «неразумной настойчивостью»...

Не менее отчетлив в данном тексте и образ автора (они с Питиримом Равкою и «крепко выпили», и «побратались»). И.А. Ильин откровенно играет, порой хулиганит, порой заигрывается до бестактности, как ребенок, не зная удержу и не умея остановиться. Он проявляет себя как недюжинный пародист, человек творческий, склонный к иронии и самоиронии (за что прощаются ему подчас «перегибы» и резкости).

И.С. Шмелев, с разрешения Ильина, познакомил с творчеством Равки третьих лиц, хотя само «творчество» довольно скоро сошло на нет: его вытеснили более важные заботы и замыслы. Однако данный факт в литературно-критической биографии самого Ильина вызывает заслуженный интерес и достоин специального внимания.

В коммуникации «И.А. Ильин — литературно-критические адресаты», помимо читателей и писателей, фигурируют также и критики. Как правило, это контрагенты, обобщенно относимые Ильиным к «школе Мережковского—Розанова», которая в глазах Ильина олицетворяет «обыкновенно беспредметно-темпераментную и парадоксальную» философскую публицистику и представлена именами Н.А. Бердяева, В.В. Розанова, Д.С. Мережковского, С.Н. Булгакова и др.

Позитивную программу критики И.А. Ильин формулирует в своем главном труде по эстетике «Основы художества. О совершенном в искусстве»: «А ты, критик, ты не призван быть ни любезным льстецом, ни придирчивым зоилом, ни эмоциональным болтуном. Ты призван видеть вместе с артистом, но независимо от него ту Божию тайну, тот художественный предмет, который принадлежит к самой субстанции Бога и мира. Ты должен видеть не менее артиста, но более рядового зрителя; и показывать зрителю творческую душу художника и его художественный предмет; и показывать художнику душу зрителя, его верные художественные ожидания, его требования и пределы его восприятия. Ты должен пронизать взором и духом критикуемое произведение до дна — поэму, драму, картину, сонату, скульптуру, здание; попытаться свести образы и материю к художественному предмету и снова вырастить из него все произведение; и тогда установить, имеется ли вообще в этом произведении художественный предмет. И если есть, то в чем он, и все ли в образах и материи выращено из него; и нет ли *мертвых* слов, сцен, групп, образов, масс, художественно ненужных, лишних; и нет ли в предмете лучей, которые остались нераскрытыми в образах, нет ли провалов, пробелов, недосмотров, недоговоренностей. Что перед нами — художественный организм, выросший из Божьего луча, или случайный хаос деталей, сложившийся из безбожного мрака?.. Так и только так ты призван судить о художественном совершенстве и несовершенстве. Только так ты сможешь творчески помочь художнику и станешь истинным воспитателем зрителя и слушателя» [2. С. 182].

Итак, адресатами литературной критики Ильина были читатели, писатели, другие критики. Указанный ряд могли бы продолжить литературные персонажи. Однако среди собеседников И.А. Ильина-критика литературные персонажи встречаются реже всего (вспомним зарисовку об А.М. Ремизове из книги «О тьме и просветлении»: «...Уходя домой с первыми петухами, я прощаюсь и с ремизовской „паутинкой“. Мне кажется, что его коловратыши не будут вредить мне, уже в силу одного того, что они научились у него самого доброте; но завести такое „морское дно“ у себя я бы не хотел...»). Зато в качестве адресатов Ильина могли выступать другие «персонажи» — музыка, например: «И если бы удалось найти такие слова, которые к тому же смолкали бы в миг начала музыки, то они могли бы составить для нее нечто вроде достойного атриума... И может быть, за эту оговорку музыка простит мне мою „словесную“ статью» [3. С. 316]. Адресатами Ильина могли быть просто «молодой человек» или «прозревшая женщина», «кто-нибудь», «тот, кто» (любые представители публики) и народ вообще, эксплицированный посредством фольклора — пословиц, поговорок, сказок. Адресатом

в критике Ильина, когда она приобретала форму моления, могла оказаться даже самая высокая инстанция — Господь Бог (см., например, последний, короткий, абзац статьи «О музыке Метнера»: «Помоги нам, Господи!»)...

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Ильин И.А.* Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий / Собр. соч.: В 10 т. — Т. 3.— М., 1994.
- [2] *Ильин И.А.* О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин — Ремизов — Шмелев / Собр. соч.: В 10 т. — Т. 6. — Кн. 1. — М., 1996.
- [3] *Ильин И.А.* Художество Шмелева / Собр. соч.: В 10 т. — Т. 6. — Кн. 2. — М., 1996.
- [4] *Ильин И.А.* Собр. соч.: Дневник. Письма. Документы (1903—1938). — М., 1999.
- [5] *Ильин И.А.* Аксиомы религиозного опыта. — М., 2002.
- [6] *Штейнгольд А.М.* Анатомия литературной критики (природа, структура, поэтика). — СПб., 2003.

ADDRESSES OF I. ILIN CRITICAL ARTICLES

M.R. Tarasova

The Department of Philology
Sakhalin State University
Lenin str., 290, South-Sakhalin, Russia, 693008

In clause the typology of In clause the typology of addressees of literary criticism I. A. Ilyin and the form of realization of the basic communications in the communications «the literary critic — its intermediaries and counterparts» is considered.